

**РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА**

**SECTION I. HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT
OF HUMAN CAPITAL**

УДК: 9.93/94

DOI: 10.25629/НС.2024.07.01

**РОЛЬ ГОРОДСКИХ ОБЩИН НА РУСИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ
БОРЬБЕ СЕРЕДИНЫ XII ВЕКА**

Конюхов К.Р.

Московский педагогический государственный университет

Аннотация

Статья посвящена взаимоотношениям княжеской власти и городских общин в условиях феодальной войны середины XII века. Отмечается, что городские корпорации Южной Руси стали активными субъектами внутренней политики Древнерусского государства: заключали взаимобязывающие договоры с княжеской властью, участвовали в дипломатических переговорах, приглашали и изгоняли князей, организовывали заговоры. Заложенные в тот период традиции оказали значительное влияние на развитие политического строя Российского государства.

Ключевые слова

Вече, князь, крестное целование, городская община, дружина.

Введение

Проблема взаимоотношений княжеской власти и городских самоуправлений на Руси остается одной из наиболее обсуждаемых в отечественной медиевистике в начале XXI века. Тем более это становится актуальным в контексте дискуссий о традициях российской политической системы. Комплекс вопросов достаточно широк: механизм согласования интересов князя и городской общины, интеграция местных ополчений в феодальное войско, структура городского самоуправления, участие городских корпораций в политической борьбе и т. д. В конечном итоге, коренным остается вопрос о борьбе власти и городского населения за политическую инициативу в ходе строительства феодального государства, что было замечено еще В. И. Сергеевичем в середине XIX в. [6].

В настоящее время спектр высказываемых в российской историографии точек зрения чрезвычайно широк: от почти полного отрицания сколько-нибудь значимой политической роли городов [5;8] и до признания их приоритета по отношению к княжеской власти [1;9]. Такой разброс мнений не удивителен. Помимо чисто субъективных подходов различных исследователей, можно выделить и объективные предпосылки разногласий. Прежде всего, не существует согласованной точки зрения по поводу того, как обозначать саму форму политической организации городского самоуправления и, как следствие, вопрос о том, было ли оно вообще. В древности устойчивой терминологии, естественно, не было. В летописях помимо понятия «вече», смысл которого обычно трактуется как «народное собрание», существует синонимичное ему слово «совет». Помимо этого, городская община может обозначаться по наименованию города

(«киевляне», «перяславцы») или просто «горожане». Какую политическую форму отражают эти понятия (и отражают ли вообще) – зачастую непонятно.

Еще больше разнообразия мы видим при обозначении военных формирований города. Они могут называться «вои», «полк» («киевский полк»), по названию поселения («перяславцы», «галичане»), «дружина», причем в последнем случае не всегда понятно, идет ли речь о профессиональных военных, или о городском ополчении. Очень часто используется слово «пешцы», т. е. пешие воины, ополченцы, которых по этому признаку отличают от конных дружинников. В каждом конкретном случае приходится внимательно рассматривать контекст сообщения и давать соответствующую трактовку.

Политические договора князя и городских самоуправлений

История новгородского веча изучена хорошо, но рассматривается в отечественной историографии как своего рода исключение. Особо благоприятное положение северного города позволяло ему развивать самоуправление и укреплять суверенитет. У нас в фокусе внимания будут южные города, которые не только находились в эпицентре борьбы за власть, но и подвергались опасности из-за постоянных набегов кочевников. Здесь условия для развития вечевой «демократии» были гораздо хуже, и традиционно считается, что городские корпорации не играли в этих регионах большой роли.

Особую активность городские общины начинают проявлять в период политической нестабильности, которая может быть вызвана как внутренними, так и внешними причинами. Следует отметить, что внешняя угроза далеко не всегда приводила к консолидации населения вокруг княжеской власти и подчинению воле профессиональных военных. Видимо, была жива память о том, когда городам приходилось обороняться самостоятельно [3, стб. 127-129]. Случалось, что инициатива городских полков брала верх над мнением таких опытных полководцев как Владимир Мономах, что приводило к катастрофическим последствиям [3, стб. 219]. Иногда, ополчения начинали действовать самостоятельно, что тоже в большинстве случаев заканчивалось военным поражением: «В лето 6640. Ходи Мьстиславъ на Литву съ сынми своими, и съ Олговичи, и с Всеволодом Городеньским, и пожгоша я, а сами ся расхорониша; а Киань тогда много побиша Литва: не втягли бо бяху съ князем, но последи идяху по немь особе» [2, стб. 294]. Урок пошел впрок: в дальнейшем города южной Руси самостоятельных военных действий практически не предпринимают. Даже в годы ожесточенной княжеской междоусобицы 1146 – 1162 годов, городские ополчения стараются не предпринимать самостоятельных походов, действуя в составе княжеских войск.

В годы феодальной войны середины XII в. политическая активность горожан резко возрастает. На фоне обостряющейся династической конкуренции за престолы, растущей нестабильности и военных столкновений городские общины начинают сами выбирать себе князей, несмотря на то, что их отчинные владения уже были определены на Любечском и Ветеческом съездах. На юге Руси получает распространение практика целования князем креста городской общине, т. е. принесение ей определенных политических обязательств. Киевляне и жители Вышгорода первыми, раньше князей, сами целовали крест Игорю Ольговичу в 1146 году [2, стб. 320-321]. Однако сразу после смерти Всеволода Ольговича ситуация изменилась, и теперь клятву на кресте приносили уже обе стороны [2, стб. 322]. Условия договора дошли до нас в тексте гораздо более поздней Воскресенской летописи и касались они осуществления княжеского суда: «... а людемъ, кому до кого обида будетъ, ино то их судити во правду самому или мне, а тиуномъ их не судити, ни продавати; а что были тивуни брата нашего, Ратьша и Тудор, а тем не быти; а коим будетъ быти, ино имъ имати съ суда урокомъ, а въ свою волю им людеи не продавати» [4, с. 35]. Вскоре и самому Изяславу Мстиславичу пришлось целовать крест жителям Путивля. Условий этого договора мы не знаем, хотя можно предположить, что в обмен на обещание не грабить город и не брать в плен население, которое делали еще черниговские Давыдовичи, киевский князь получил возможность посадить в городе своего посадника [2, стб. 333].

Если договор князя с Новгородом заключался регулярно, то на юге он только входил в политическую практику. Упоминаний в летописях о таких соглашениях немного. Можно осторожно предположить, что обязательное поклонение князя «святой Софии» включало и какие-то обязательства по отношению к городу. Известий о заключении Изяславом Мстиславичем каких-либо крестных целований с киевлянами нет, что не удивительно: киевская летопись отражает интересы его семьи. Однако после каждого вступления в Киев, он обязательно «кланяется святой Софии», не исключено, что тогда он и принимал на себя некие обязательства перед общиной. Поэтому известие Ипатьевской летописи от 1154 г., вероятно, указывает на возможность существования такого договора. Тогда какие-то «мужи», по всей видимости, старшие дружинники, настойчиво предлагали Ростиславу Мстиславичу, только занявшему великокняжеский престол после смерти Вячеслава Владимировича, заключить соглашение («утвердить») с киевлянами. Смоленский князь проигнорировал этот совет и в результате к моменту сражения остался без войска [2, 474]. По всей видимости, киевское ополчение не выступило в поход вместе с князем: условия договора имели для киевлян приоритетный характер.

У нас есть все основания полагать, что городские общины рассматривали взаимное крестоцелование как односторонние обязательства князя. Крестное целование киевлян Игорю и Святославу Ольговичам в этом отношении очень показательно. Договор был заключен горожанами с позиции силы, и исполнять его они не собирались. В данном случае община выступает как полноценный политический суверен, который не несет ни перед кем никаких обязательств и имеет право изгонять и приглашать любого правителя. Вскоре Изяслав сам попал в аналогичную ситуацию. Оказалось, что киевляне совершенно не собираются следовать принятым на себя обязательствам. Попытки князя ссылаться на данное горожанами крестное целование ни к чему не привели: они вежливо отказались от своих обязательств: «Изяслав же рече им: «Целовали ко мне крест, а думу есми с ними думаль; а всяко сего пути не хочу отложить; а вы доспевайте». Кияне же рекоша: «Княже, ты ся на нас не гневаи, не можемъ на Володимире племя руки воздаяти; оня же Ольговичи, хотя и с детьми»» [2, стб. 344]. Не собирались соблюдать крестное целование князю Ярославу Владимировичу и галичане в 1187 году [2, стб. 657].

Механизм смены князя в Киеве и подбор подходящей кандидатуры правителя в периферийных городах

Ситуация в Киеве 1146 года напоминает Новгород: городская община собирается изгнать нежелательных князей, но киевляне действуют осторожнее: они не выступают против Ольговичей открыто, предпочитая организовать тайный заговор.

Лидеры киевлян – тысяцкий Улеб, Иван Воитишич и Лазорь Саковский – действуют последовательно, планомерно и очень разумно. Согласовав свои действия с «киянами» (летописец подчеркивает это дважды), они заручились поддержкой в дружине Святослава Ольговича, составили подробный план перехода киевского ополчения на сторону переяславского князя («хочемъ поринуть стягъ и побегнути с полкомъ своимъ в Киевъ») и подбили Игоря выступить против Изяслава [2, стб. 324-325]. Изяслав Мстиславич регулярно получал от них данные о движении войск противника. Улеб мастерски вел двойную игру – Игорь Ольгович не догадывался об измене до последней минуты. Следует признать, что киевляне проявили очень высокий уровень организации: они не только составили и осуществили детальный план предательства, но и смогли сохранить его в тайне в течении нескольких дней. Т. е. городская община оказалась способна на весьма сложное политическое действие.

Местные общины довольно активно участвовали и в княжеской дипломатии, иногда совмещая ее с разведывательной деятельностью. Для Великого Новгорода подобных известий имеется огромное количество, но есть данные об этой активности и на юге. Интересно, что представители городов использовали свои «неформальные» каналы, общаясь со своими визави в других городах. В.Н. Татищев сообщал, что после взятия Киева Изяславом Мстиславичем черниговские князья, Давыдовичи, хотели заключить с ним договор при помощи «вельмож киевских» [7, с. 165].

Видимо, речь идет о лидерах киевской городской корпорации: черниговские князья припоминали злоупотребления, которые чинили тивуны Всеволода и Игоря Ольговичей.

В 1147 году тем же дипломатическим каналом пользуется уже киевский князь, направив в Чернигов своего верного тысяцкого Улеба. К известиям В. Н. Татищева надо относиться осторожно, но данное сообщение подтверждается Ипатьевской летописью. Улеб великолепно справился со своей задачей, раскрыв заговор Давыдовичей. В.Н. Татищев объясняет, как это ему удалось: «... через друзей, верных ему, узнал о всем совете черниговских князей...» [7, с. 173]. Привлекая лиц, пользующихся авторитетом и в том, и в другом городе, князь не только получал параллельный канал информации, но и укреплял свои позиции в стане потенциального противника. Информаторы в Чернигове, вероятно, не были вовлечены в интриги местных князей и могли дать ценные сведения. В данном случае, они сыграли роковую роль в судьбе Игоря Ольговича.

Взятие Изяславом Мстиславичем Киева не означало окончания войны: Святослав Ольгович был настроен освободить брата, а позиция черниговских Давыдовичей была не ясна, хотя было очевидно, что они приложат максимум усилий, чтобы расширить свои владения. Решающей силой в противостоянии становилось многочисленное и решительное войско. Набрать его можно было только в подконтрольных городах. Следовательно, киевский князь, который пока что владел инициативой, должен был подчинить себе максимальное количество общин и не допустить усиление влияния в городах своих противников. Началась первая стадия феодальной войны – борьба за города Черниговского княжества.

Городские корпорации, расположенные на пограничных территориях и не имевшие традиционных сеньоров, также воспользовались ситуацией и начали выбирать себе князей. Проявляется определенная закономерность: чем больше местный князь был укоренен на данной территории, тем сложнее было его отсюда выбить. Новгород-Северский остался верен Святославу Ольговичу, всячески поддерживал его, выдержал осаду и несколько кровопролитных штурмов, сохранив верность своему сюзеру [2, стб. 331]. О ситуации в Путивле мы уже рассказывали: там Изяслав Мстиславич оказался популярнее черниговских князей, и община приняла его. Можно предположить, что в городе ощущался недостаток ресурсов для продолжительной обороны, однако условия сдачи, говорят не в пользу этой версии. Чуть более, чем через год в похожем положении оказались жители Глебля. Город был осажден объединенной ратью сразу двух могущественных князей – Изяслава и Ростислава Мстиславичей, но городская корпорация проявила стойкость и выдержала несколько приступов [2, стб. 358-359]. Вырев же, наоборот, сохранил верность киевскому князю, хотя Святослав Всеволодович обещал отдать его на разграбление половцам [2, стб. 356]. Для других городских общин выбор был не столь критичен: на них претендовали союзные Святославу Ольговичу князья. Курск и какие-то города Посемья признали своим сеньором Глеба Юрьевича [2, стб. 356]. Случаи силовых захватов городов было очень мало: например, Попаш был взят Изяславом Давыдовичем [2, стб. 356]. Заметим, что, выбирая князей, города руководствуются личными качествами претендентов (или политической целесообразностью), а не традиционной отчиной принадлежностью.

Узнав о поддержке Святослава Ольговича суздальским князем Юрием Владимировичем, Давыдовичи осознали бесперспективность открытой войны. Однако они решили настроить против него племя вятичей, соблазняя их богатой добычей и возможностью захватить пленных. Вятичи, обитавшие в верховьях Оки, жили на территориях подвластных черниговским князьям и могли откликнуться на этот призыв. Во всяком случае, Давыдовичи считали эти территории своими [2, стб. 343]. Однако усилия черниговских князей были напрасны: племя отказалось выступить против Святослава, признав его, вероятно, сеньором [10, с. 51]. Таким образом, вятичи вели себя также, как и многие периферийные городские корпорации, выбирая себе князя в зависимости от его личных качеств и политической конъюнктуры. Вероятно, определенную роль могла сыграть и угроза нападения суздальских ратей. Примерно в это же время Юрий Долгорукий расправился с боярином Кучкой, однако его отношения с вятичами нам неизвестны.

Мнение горожан, зачастую, являлось последним аргументом в княжеских спорах за власть: печальную участь Игоря Ольговича, убитого киевлянами помнили все. Испытывать решительность горожан больше никто не собирался. Когда Изяслав Мстиславич в 1150 году вновь вступил в Киев, он на сених княжеского дворца с удивлением обнаружил своего дядю Вячеслава Владимировича. Киевляне предложили просто «подсечь под ним сени», т. е. убить уже второго князя. Изяслав такого поворота событий не допустил, но указал своему незадачливому родственнику: «нелъзе ми ся с тобою зде рядити; видиши ли народа силу: людии полк стояща, а много тебе лиха замысливають; а поеди же въ свои Вышегородъ, оттоле же ся хочю с тобою рядити» [2, 397]. Хотя генеалогически Вячеслав был гораздо старше Изяслава (он являлся сыном Мономаха), престол пришлось уступить младшему родственнику внуку Владимира Всеволодовича).

Ссылаясь на авторитет киевской общины и Изяслав Давыдович. После смерти Вячеслава и Изяслава и поражения Ростислава Мстиславича он в 1154 году занял Киев, но под давлением Юрия Долгорукого был вынужден отступить. Ссориться с могущественным суздальским князем он не хотел и оправдывался тем, что «ци [не] самы есмь ехал Киев, посадили мя Кияне, а не сотвори ми пакости, а се твои Киев» [2, стб. 478]. Отчасти он был прав: опасаясь половцев, киевляне действительно пригласили черниговского князя. Однако такое признание дорогого стоит: князь фактически заявляет, что политическая инициатива полностью принадлежала горожанам.

Выводы

Таким образом, городские общины и их полномочные представители играли значительную роль в борьбе за власть в середине XII века. В условиях разгорающейся феодальной войны, которую киевская городская корпорация во многом и спровоцировала, пригласив на престол князя, который согласно лествичному праву не мог на него претендовать, горожане стремились всемерно расширить свои политические возможности. Не только Киев или Переяславль, но и периферийные городки начали выбирать себе князей и заключать с ними договора. О содержании этих соглашений сложно сказать что-то определенное, однако очевидно, что они стремились договариваться с князьями на равных и зачастую не выполняли принятых на себя обязательств. В большинстве случаев, горожане хорошо чувствовали политическую конъюнктуру, активно участвовали в княжеских интригах и дипломатии, искусно составляли заговоры и в критических ситуациях применяли прямое насилие к представителям княжеской власти. Так погиб Игорь Ольгович, а впоследствии были отравлены Юрий Долгорукий и Глеб Юрьевич.

Наиболее прозорливые князья (Изяслав Мстиславич, Ростислав Мстиславич) считались с мнением городской общины и даже иногда ссылались на ее мнение. Понимали они и слабости местных корпораций: излишнюю доверчивость, отсутствие единства, военную неорганизованность. Обе стороны нуждались друг в друге: город видел в князе справедливого судью и защитника от нападений кочевников, а князь нуждался не только в налогах, но и в военных силах городского ополчения. Взаимное согласование интересов шло очень непросто и продолжалось вплоть до монгольского нашествия, которое поставило обе стороны перед фактом совсем другой политической реальности. Однако традиции городских самоуправлений не были окончательно утрачены вплоть до сегодняшнего дня.

Библиография

1. Майоров А.В. Галицко-Волынская Русь. СПб.: Университетская книга, 2001. 640 с.
2. ПСРЛ. Ипатьевская летопись. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.
3. ПСРЛ. Лаврентьевская летопись. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.
4. ПСРЛ. Т. 7. Воскресенская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 360 с.
5. Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. СПб.: Академический проект, 2003. 734 с.
6. Сергеевич В. И. Вече и князь. М.: Типография А. И. Мамонтова, 1867. 413 с.

7. Тагицев В.Н. Собрание сочинений. Т.2-3. М.: Ладомир, 1994. 688 с.
8. Толочко П.П. Древняя Русь. Киев: Наукова думка, 1987. 245 с.
9. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Л.: Изд-во Ленинградского Университета, 1980. 256 с.
10. Шведова А. Ю., Федоров П. А. Военно-дипломатический поход князя Святослава Ольговича: к вопросу о летописных известиях 1146-1147 гг. // Ключевские чтения – 2024. Освоение российского пространства и борьба за единство страны. М.: Издательство «Спутник +», 2024. С. 49-52

THE ROLE OF URBAN COMMUNITIES IN RUSSIA IN THE POLITICAL STRUGGLE OF THE MIDDLE OF THE XII CENTURY

Konyukhov K. R.

Moscow State Pedagogical University

Abstract

The article is devoted to the relationship between the princely government and urban communities in the conditions of the feudal war of the middle of the XII century. It is noted that the city corporations of Southern Russia became active subjects of the internal policy of the Ancient Russian state: they concluded mutually binding agreements with the princely government, participated in diplomatic negotiations, invited and expelled princes, organized conspiracies. The traditions established at that time had a significant impact on the development of the political system of the Russian state.

Keywords

Veche, prince, kissing the cross, urban community, squad.